Один день из жизни актёра массовых сцен

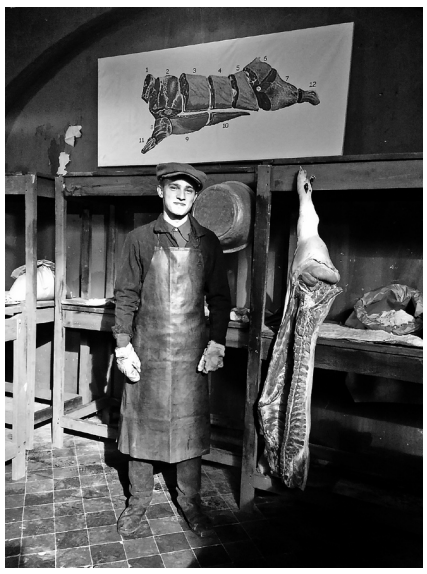
(Начало на странице 1)

Итак, съёмочный день длится с 16.00 до 4.00.

16.00 – общий сбор. Пока команда разворачивает свою аппаратуру, костюмеры начинают одевать статистов. Детьми занимаются в первую очередь. Потом принимаются за женщин. Им выдают платья, кофты, юбки, блузки – всё мятое и полинялое, оттого одного приятного болотного тона. Никто не выделяется. Грязь на ватниках киношная, нарисованная то есть. Самое интересное – чулки. Классические, хлопчатобумажные, в рубчик. Их раньше к поясу специальными зажимами прищёлкивали, а в кино тебе просто 15 сантиметров резинки дают, и ты ногу в чулке обвязываешь. Чулок держится, но подтягивать приходится постоянно.

Карина РАЗУМОВА:

– Никогда раньше индустрией кино не интересовалась, меня всегда привлекал только театр. Но когда я увидела объявление о том, что съёмки будут в Кронштадте, решила участвовать. Пошла сама, позвала с собой подруг и молодого человека. Меня привлекла возможность примерить на себя необычный образ. Увидев лучшую подругу в «бабушкином» наряде и косынке, я хохотала минут десять. Думаю, что после этих съёмок я захочу сниматься ещё. Это незабываемый, интересный опыт.



Костя НАБИЕВ:

– Это был мой первый опыт. Идею подала моя девушка, Карина. Снимались вместе. Я исполнял роль работника мясокомбината. Мы таскали настоящее мясо, рубили его. Особых сложностей это не вызвало, разве что к третьему дню съёмок запах мяса усилился, и стало не очень комфортно. Но я считаю, что стоило потерпеть – ради возможности увидеть себя на экране, ради возможности посмотреть, как делают декорации, понаблюдать за игрой профессиональных актёров. Было очень интересно увидеть «магию» кино изнутри.

17.50 – стою в очереди к гримёру. Девушки практически все одеты. У Пенькового моста дым – там уже снимают. Туда забрали несколько детей и красиво одетых дам. По сюжету там 1926 год. Дети дразнят проходящую по улице героиню. Кидают в неё бутафорские камни. Это краем глаза удалось подсмотреть, потому что с гримёром дело кончилось быстро. Она посмотрела на мои косы, уложенные дома в корзинку, и отпустила, даже не прикоснувшись. Лишь зафактурила лицо пылью. Теперь я немного чумазая.

18.10 – ребята сменили кеды на кирзачи. На тротуаре появляются солдаты. Некоторые уже подстрижены. Консультанты и помощники поправляют обмундирование, учат парней правильно застёгивать пояса. Из микроавтобуса достают ружья.

Рядом девочка знакомая говорит нежно своему парню: *«Я так боялась, что тебя постригут как-нибудь, так боялась…»* Парень играет солдата. Обнимает свою девчонку. У неё две косички. Она выглядит лет на десять. На съёмочной площадке очень много старшеклассников – пришли компаниями. Каникулы ведь. Дети развлекаются!

Дамы ходят, вальяжно помешивая кофе, скучают, не расстаются с телефонами. Все много курят. Ждут.

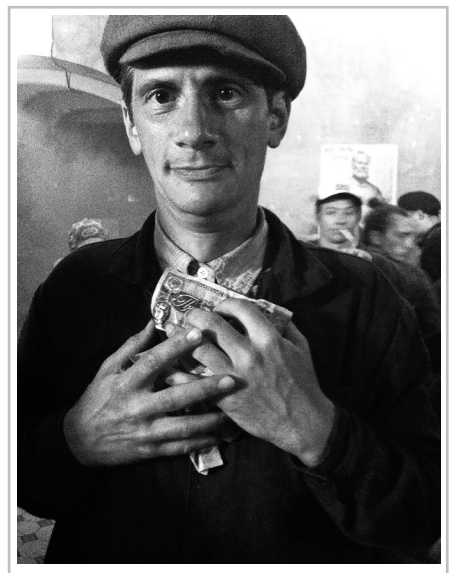
На перекрёстке улицы Комсомола с улицей Лебедева – супер кинематографичный перекрёсток – уже стоят чёрные заградительные ежи (деревянные), лежат мешки с песком. Разделительную полосу на асфальте закидали сеном. Повесили репродуктор и верно присутствующий в каждом фильме про войну плакат с надписью «ЗА РОДИНУ-МАТЬ!».

19.50 – начало холодать. Костюмеры созвали всех штатских и стали утеплять. Впереди ведь ночь. Каждый получил из рук заботливого главного художника подходящий ему по образу жакет, пиджак, кофту или ватник. Практически всем девушкам повязали поверх интересных причёсок платки. Тем, кто спорил и не хотел надевать ватники, художник по костюмам сказала, как отрезала: *«Мы с вами здесь на съёмках – не в магазине»*. Действительно, когда ещё ватник наденешь и по городу в нём пойдёшь.

20.50 – сняли сцену встречи солдат. Это моя первая сцена. Стояла у любимого окна бывшей Машинной школы на Петровской и махала проезжающему грузовику с солдатами-освободителями.

Юрий КОТЛЯРОВ:

– Первый день съёмок очень сильно запомнился. Я снимался в одной сцене с актёром Максимом Емельяненко – он исполнял роль сына комиссарши. Да, это мои первые съёмки. Когда гримировали, говорю: «Сделайте мне шрам, пожалуйста» – а мне отвечают: «Не положено. Шрам только у одного героя». В итоге был рабочим мясокомбината. Мясные туши меня потом преследовали весь съёмочный день. Я их разгружал на камеру, а потом снова загружал в кузов грузовика для следующего дубля, таскал, рубил. В первый съёмочный день сыграл в трёх эпизодах. В последний день примерил образ солдата Великой Отечественной. Меня очень порадовало, что актёры совсем не высокомерные люди, спокойно общаются с участниками массовых сцен.



Марат ТКАЧ:

– На съёмках «Комиссарши» была очень доброжелательная атмосфера – это радовало и помогало работать. Сразу отметил уважительное отношение к артистам массовых сцен – слово «массовка» вообще никто не произносит, это дурной тон. За пять съёмочных дней я успел поучаствовать в разных эпизодах. Особо запомнилась сцена захвата мясокомбината, когда над нашими головами разбрасывали деньги, а мы, работники, их радостно ловили. В этой крайне эмоциональной сцене нужно было действовать, можно было применить свои актёрские возможности. Этим она и дорога. Поразило заброшенное здание бывшего учебного корпуса школы техников, где мы снимались в первые съёмочные дни. Там артисты массовых сцен провели много времени – в поисках ящиков для сидения бродили по этажам. Атмосфера соответствовала 1943 году. На первом этаже художники создали разделочный цех. Настоящие свиные туши – впечатляющий реквизит. Видимо, сделать туши гораздо дороже, чем купить настоящее мясо.

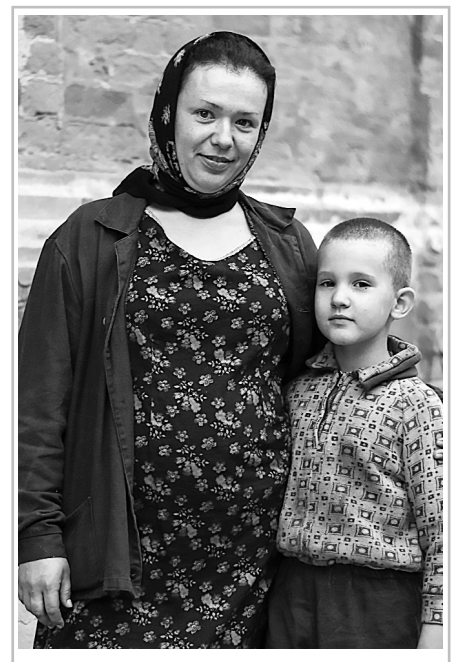
21.40 – на улицах Кронштадта включили фонари, снимают третью сцену: проход главной героини вдоль домов на улице Аммермана. Впервые увидела среди актёров массовых сцен Ирину Пегову.

23.10 – начали снимать массовую сцену, ради которой всех и пригласили. Всем выдали реквизит – чемоданы, корзинки, узлы, рюкзаки. Пошёл дождь. Нужно было бежать по улице якобы в бомбоубежище. За нашими спинами на стенке Морского завода красуется огромный плакат «РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!». Бежим от него до перекрёстка с улицей Лебедева. Впереди лошадь, запряжённая в телегу.

23.50 – раза три уже бегали на камеру под дождём и по лужам. Все мокрые и довольные. Режиссёр вроде бы тоже довольна. Говорит, что вот теперь можно добавить взрывы. Камера меняет положение. Закладывают пиротехнику. На площадке работают два каскадёра.

03.00 – от взрывов вылетают стёкла. Пиротехники перестарались. Режиссёр недовольна. Но зато массовка в восторге. Мужчины радовались, как дети. Рядом стоящий обернулся и с улыбкой произнёс: *«Не зря приехал на съёмки!»*. Вот что надо людям для счастья! Кино!

5.00 – постепенно начинает рассветать. Операторы торопятся. Делаем ещё несколько пробежек. Теперь массовку просят забегать в ворота бомбоубежища. Ворота сколочены на скорую руку в тупике у стенки бывшей медсанчасти. У ворот стоят солдаты. Снова появляется Ирина Пегова. Через пробегающую на первом плане толпу камера снимает актрису. Наблюдать очень интересно и полезно всем, кто занимается фото и видеосъёмкой.



Мария ФУРМАНОВА:

– Это мои первые съёмки. Увидев объявление, я была счастлива, что всё происходит в Кронштадте и не надо никуда ехать. Моя мечта потихоньку начала сбываться. В итоге я провела на съёмочной площадке не один день. Узнала много нового. Например, всегда думала, что кино снимают без репетиций, представляла, будто делают много дублей и всё. В первый день съёмок я резала мясо в роли работницы мясокомбината. Образ подобрали мне не очень изящный, но ведь надо с чего-то начинать! Я познакомилась с интересными людьми, увидела «киношную» кухню.

В ночь с 7-го на 8-е Мария снималась вместе с сыном. Шестилетний Вячеслав был самым юным из кронштадтских детей, участвовавших в массовой сцене паники. На съёмочной площадке он был, как рыба в воде. Ему даже дали «говорящую» роль.

5.15 – слышится долгожданное «Снято! Всё!» На площадке раздаются аплодисменты. И люди быстро разбегаются. Все устали и хотят спать. В автобусе (он – единственная переодевалка и для мужчин, и для женщин) толкотня. В полумраке горожанки, рабочие и солдаты образца 1943 года превращаются обратно в привычных глазу ребят в кедах и растрёпанных женщин в джинсах. Люди вновь выстраиваются в очередь сдавать костюмы. А потом получают честно заработанную тысячу рублей. Однако никто из тех, с кем говорила на площадке, про гонорар даже не вспомнил – одни эмоции.

Евгения ТРОФИМОВА:

– Это было приключение рядом с домом. Было очень интересно. Даже бесплатно пошла бы сниматься. Всего я снималась три дня. В один день участвовала в съёмках сцены паники, в другой день снимали сцену бегства в бомбоубежище. Было очень легко играть! Потому что ты в толпе. Если бы я одна в кадре была, то волновалась бы. Удалось понаблюдать за исполнительницей главной роли актрисой Ириной Роговой. Она из роли не выходила даже в перерывах. Взгляд всегда напряжённый.

Но самый потрясающий момент остался в памяти – это картинка с первого дня съёмок. Был День Военно-морского флота. Съёмки шли в здании на Петровской. Когда начался салют, актёры массовых сцен – в костюмах, в косынках, халатах – подошли к окну и смотрели на огни. Казалось, будто мы в бомбоубежище где-нибудь отсиживаемся, а там за окном выстрелы, снаряды разрываются. Я вспоминала своих бабушку и дедушку, которые всю блокаду прожили в Кронштадте… Погружение в эпоху получилось.

Серафима БЕЛЕВИЧ
Фото из архива актёров массовых сцен